

ном – миграционная убыль. Сельские поселения отличались миграционным приростом населения в международных миграциях, за исключением 2017 г. и миграционной убылью в межрегиональном в внутрикраевом обмене на протяжении почти всего исследуемого периода.

Итак, подавляющее большинство демографических рисков в Алтайском крае характеризуется повышенной остротой проявления, они распространены по всей территории и устойчивы во времени. Активизация демографической политики приводит к определенным позитивным результатам, в частности, повышению продолжительности жизни, сокращению смертности, росту в структуре семей с детьми доли многодетных семей. Однако большинство этих достижений носит неустойчивый характер, они неравномерно распределяются в пространстве и пока не обеспечивают кардинального перелома негативных демографических тенденций. Демографические ограничения негативно влияют на устойчивое развитие края и его включенность в социально-экономическое пространство России.

Глава 12

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В СФЕРЕ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ АПРОБАЦИИ

Целью данной главы является представление методики оценки остроты и динамики ключевых вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, а также результатов апробации данной методики [26, 27]. Апробация проведена на примере Алтайского края как агропромышленного региона Сибири.

Агропромышленные регионы представляют особую группу регионов, отличающихся значительной спецификой проявления вызовов и угроз в сфере доходов населения в различные периоды

экономического развития и их влияния на состояние и динамику экономики и социальной сферы региона [28, 29]. В сфере агропромышленного сектора, с одной стороны, возникает «клубок» вызовов и угроз, отражающих состояние экономики в целом (представляя ее проекцию), а с другой – является следствием мощного воздействия природного фактора, который, синхронизируясь, может создавать дополнительное усугубляющее воздействие (неурожай в кризисный период). Хотя, как известно, в противофазе именно природный фактор, напротив, смягчает проявление вызовов и угроз устойчивому развитию таких регионов, становится «подушкой безопасности» для развития АПК и экономики в целом [30].

Актуальность методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, и ее апробации на примере агропромышленного региона значительно усилилась с 2022 г. именно вследствие особого влияния западных санкционных мер на развитие АПК и сопряженных отраслей, разрыва части международных кооперационных цепочек предприятий аграрных и пищевой промышленности. Применение такой методики в региональной политике позволяет, как нам представляется, своевременно реагировать региональным органам управления на формирование и развитие таких вызовов и угроз, а также рисков их возникновения и, как результат, не допускать значительных негативных социально-экономических последствий.

12.1. Методика и информационная база оценки вызовов и угроз

Концептуальные основы разработки методики. Для выявления и оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, воспользуемся *концепцией устойчивого развития* общества (государства, региона, территории), а также комплементарной, во многом сопряженной с ней *теорией экономической* (или социально-экономической) *безопасности* [5, 26, 31, 32]. В соответствии с ними под *угрозами* устойчивому социально-экономическому развитию региона понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую

или косвенную возможность нанесения ущерба такому развитию. *Вызовом* является совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы. *Риск* рассматривается лишь как вероятность нанесения ущерба устойчивому развитию региона в связи с реализацией угрозы¹.

Основа концепции устойчивого развития, как известно, заложена в идеях В.И. Вернадского о переходе биосферы в новое эволюционное состояние – ноосферу (сферу разума) как основную закономерность выживания и развития человека и общества [34]. В своих трудах Вернадский изложил 12 условий ноосферы, где одним из них, связанных с доходами, является *подъем благосостояния трудящихся, создание реальной возможности не допустить недоодевания, голода, нищеты*.

Не останавливаясь подробно на характеристике исторических и методологических особенностей формирования концепции устойчивого развития, отметим, что понятие устойчивого развития как глобального, так и регионального сообществ впервые было определено в 1987 г. в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». Под устойчивым понималось социально-экономическое развитие, направленное на разумное удовлетворение потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни живущих и будущих поколений, на бережное использование ресурсов планеты и сохранение природной среды [7, с. 16].

На конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро в 1992 г. провозглашена «необходимость перехода мирового сообщества на рельсы устойчивого развития, обеспечивающего должный баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворение основных жизненных потребностей нынешнего поколения с сохранением таких возможностей для будущих поколений» [35]. В утвержденной на этой конференции «Повестке дня на XXI век» указано, что основными задачами повсеместно являются искоренение нищеты и голода, обеспечение более справедливого распределения дохода и развитие людских ресурсов.

¹ Данные понятия сформулированы на основе сопряженных понятий, представленных в [33].

В принятой в 2015 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года» [36] выделено 17 глобальных целей устойчивого развития (ЦУР), первые две из которых имеют явное отношение к сфере доходов населения. Так, в рамках *цели 1 «По-всемирная ликвидация нищеты во всех ее формах»* определены задачи к 2030 г. ликвидировать крайнюю нищету (проживание на сумму менее чем 1,25 долл. США в день) для всех людей во всем мире и сократить долю мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям, по крайней мере наполовину. Для реализации *цели 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»* выделен ряд задач, в том числе задача покончить с голодом и со всеми формами недоедания.

В России обе цели и соответствующие им задачи нашли отражение в национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года¹, а также в национальных проектах, федеральных и региональных программах. На достижение устойчивого развития регионов сориентированы стратегии национальной и экономической безопасности, пространственного развития Российской Федерации, социально-экономического развития ее федеральных округов и субъектов. Так, в Стратегии развития Сибирского федерального округа до 2035 года определены основные направления устойчивого развития входящих в его состав регионов [39]. Среди системных проблем выделено отставание денежных доходов населения СФО от среднероссийского уровня, что выражается в наибольшей относительно других округов доле населения с доходами ниже величины прожиточного минимума.

Инструментами формирования устойчивого развития агропромышленных регионов являются также федеральная програм-

¹ В качестве одного из целевых показателей сохранения населения, здоровья и благополучия людей определено «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года»; для достижения цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» установлен целевой показатель обеспечения устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции. См.: 1) [37]; 2) [38].

ма «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 гг. и одноименные программы в регионах. В федеральной программе среди трех ключевых выделена цель увеличения до 70% соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств [40]. В региональной программе Алтайского края указано, что данный целевой показатель составит 82,9% в 2025 г., 83,5% – в 2030 г. Причем достижение этого показателя не является проблемой, уже в 2021 г. зафиксировано его превышение (102,17%) [41].

Для контроля за достижением целей устойчивого развития Российской Федерации и ее субъектов разработан национальный набор показателей в соответствии с 17 глобальными ЦУР [42]. К показателям, позволяющим оценить в рамках первой ЦУР выполнение национальной задачи двукратного сокращения к 2030 г. «живущих в нищете», отнесены доля и численность населения, живущего за национальной чертой (с денежными доходами ниже границы) бедности, индексы риска бедности и социальной исключенности (AROE), годовых реальных денежных доходов населения. Для реализации второй ЦУР и задачи *«к 2030 году покончить с голодом и обеспечить всем... круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище»* среди показателей, имеющих прямое отношение к сфере доходов населения, используется *«доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду»*.

Как выделить вызовы и угрозы в сфере доходов населения, оценить их остроту и риски возникновения? Что может стать критериями, нормативными и/или пороговыми значениями для оценки таких вызовов и угроз? Воспользуемся эффективными в таких случаях *методами – нормативным и экспертных оценок*. Наличие и остроту выраженности вызовов и угроз оценим на основе ретроспективного анализа данных государственной статистики за длительный период (с начала 1990-х гг., более 30 лет) с использованием методов анализа динамических рядов, индексного и др. Это позволяет не только оценить глубину вызовов и угроз в настоящее время, но и раскрыть характер произошедших сдвигов в социально-экономическом развитии региона, устойчивость их во времени: от возникновения рисков

ситуации, перерастания ее в вызов или угрозу до приобретения последними хронического характера с вытекающими значительными негативными последствиями.

Вместе с тем, учитывая высокую динамику социально-экономических процессов, особый интерес представляют и сдвиги в оценке остроты (глубины) вызовов и угроз за относительно краткосрочный период – последние 5 лет (в нашем случае это период 2018–2022 гг.). Анализ изменения показателей в сравнении с уровнем 2017 г. обусловлен также и выбором этого года как стартового для выполнения национальных целей и задач устойчивого развития России и ее регионов. Для мониторинга их реализации с 2017 г. в национальный набор показателей ЦУР был включен ряд новых, в том числе уже названный выше показатель *«доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду»*.

Информационная база и ее ограничения. Исходя из национальных целей развития России, национального набора показателей ЦУР и учитывая ограниченные возможности государственной статистики для оценки остроты вызовов и угроз устойчивому развитию региона на основе многолетних измерений доходов населения, в качестве основных нами выделены следующие показатели:

- реальные денежные доходы населения и реальная начисленная заработная плата работников организаций – годовые и накопленным итогом к уровням 1990 и 2017 гг. (%);

- соотношение с прожиточным минимумом (ПМ) среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы, отражающих их покупательную способность (разы);

- коэффициент фондов или децильный (дифференциации доходов), рассчитываемый как соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (разы) и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), отражающие степень неравенства и неравномерности распределения доходов по отдельным группам населения;

- доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума, установленной в субъек-

екте Российской Федерации, в общей численности населения (%)¹ и доля домохозяйств, указавших на нехватку денег на еду при оценке своего материального положения (%).

Выделенная совокупность показателей, безусловно, не отражает всю сферу доходов населения, где могут проявляться вызовы и угрозы устойчивому развитию региона. *Во-первых*, по отдельным показателям из национального набора показателей ЦУР осуществить ретроспективный анализ на данных государственной статистики пока не представляется возможным. К примеру, это относится к *индексу риска бедности и социальной исключенности (AROPE)*, который находится в процессе разработки, на стадии экспериментальных расчетов. Кроме того, в нашу совокупность не включен показатель «*доля расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на социальную поддержку отдельных категорий граждан к собственным доходам консолидированных бюджетов*» данных субъектов, поскольку для него пока не определены количественные целевые и пороговые значения².

Во-вторых, ограниченность представленной выше совокупности показателей проявляется и в том, что они касаются главным образом уровня и динамики доходов населения. Более комплексной была бы оценка вызовов и угроз с использованием показателей структуры доходов (удельных весов оплаты труда, социальных выплат и других составляющих), ее сдвигов. Но если в том, что оплата труда должна составлять основную часть доходов, существенных разногласий среди экспертов

¹ Данный показатель, наряду с децильным коэффициентом и «долей работников с заработной платой ниже прожиточного минимума», отнесены к показателям состояния экономической безопасности России. См.: [33].

До 2020 г. включительно национальный уровень бедности рассчитывался на основе величины прожиточного минимума, установленной в субъектах РФ. С 1 января 2021 г. произведен переход к измерению бедности на основе определения ее границы [43].

² По отношению к последнему показателю задача сформулирована в довольно общем виде: «внедрить на национальном уровне надлежащие системы и меры социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней, и к 2030 г. достичь существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения». См.: [42].

нет, то в отношении нормативов по удельному весу социальных трансфертов столь однозначного представления не сложилось. С одной стороны, социальные трансферты отражают выполнение социальной политикой государства (перераспределительной функции в условиях рыночно ориентированной экономики, и при ее эффективном выполнении они (трансферты) составляют значительную долю. С другой же стороны, доля социальных выплат не должна быть близкой к доле оплаты труда, чтобы не формировалась сильная зависимость населения от таких источников в форме «институциональных ловушек».

В России с начала активных действий в сфере социальной поддержки населения (с середины «нулевых») доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения выросла более чем в полтора раза, до уровня 20–21% (20,6% в 2021 г и 20,2% в 2022 г. против 12,7% в 2005 г.), в Алтайском крае – до 29–30% (30,3% в 2021 г и 29,4% в 2022 г. против 19,3% в 2005 г.). Реализация же одной из задач ЦУР, направленной на достижение существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения мерами социальной защиты, без адекватного роста оплаты труда и поддержки развития малого и среднего бизнеса может с большой вероятностью привести к дальнейшему росту удельного веса социальных выплат в структуре доходов населения, а, значит, усилить риски формирования таких «ловушек».

В-третьих, помимо остроты проявления и устойчивости вызовов и угроз во времени целесообразно учитывать их распространенность по территории региона, принимая во внимание значительные территориальные неравенства по доходам населения, в том числе различия между сельскими территориями и городами, характерные для регионов аграрной специализации¹.

И в-четвертых, показатели статистики желательно дополнять результатами социологических опросов населения региона по вопросам их удовлетворенности уровнем и динамикой доходов и вытекающим отсюда вызовам и угрозам (к примеру, связанным с инфляцией и другими причинами снижения доходов).

¹ Так, в 2020 г. 82,4% бедного населения Алтайского края проживало в сельских местностях, что в 1,6 раза превышало аналогичный показатель по России (52,2%). См.: [44].

Указанные и другие ограничения и недостатки информационной базы¹ отчасти преодолимы, что можно рассматривать как направление дальнейшего развития представленной методики.

Критерии оценки вызовов и угроз. В зависимости от остроты (глубины) проявления и устойчивости во времени нами выделены следующие критерии оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, а также риска их возникновения.

1. *Степень отклонения от нормативных значений и/или целевых индикаторов, удаленности от пороговых значений*, в том числе верхних либо нижних.

2. *Значимое отставание от среднего уровня по России* для показателей, рост которых оценивается как позитивная динамика, и/или значимое превышение среднего уровня в случае показателей с негативным ростом. Для позитивных процессов (среди выделенных к ним относятся рост реальных доходов и реальной заработной платы, соотношения среднедушевых денежных доходов и среднемесячной заработной платы с соответствующим прожиточным минимумом) в качестве значимого отставания предлагается рассматривать значения, соответствующие 75–90% от среднего уровня по стране и ниже. Для негативных процессов (рост бедности и голода, чрезмерного неравенства по доходам) таким значимым превышением могут являться значения, равные 1,1–1,25 раза от среднего значения в России.

3. *Негативная динамика за длительный период и/или негативный тренд в противовес позитивному процессу в России.* Как вариант, в качестве негативной может оцениваться динамика за пятилетний и более длительный период на уровне от 5–10% негативного изменения значения показателя в противовес аналогичному позитивному сдвигу².

С учетом всех трех критериев выделенные нами показатели могут вести себя разнонаправленно и, следовательно, оцени-

¹ О недостатках показателей государственной статистики, отражающих бедность и неравенство, также см.: [27].

² Оценка масштабов сдвигов, безусловно, в существенной мере зависит от самого показателя и его вариативности, а также длительности временного периода. Так, более существенными могут быть сдвиги значений покупательной способности доходов населения, чем неравенства по доходам.

ваться неоднозначно. В связи с этим по результатам анализа каждого показателя примем следующие условия для оценки остроты и устойчивости проявления вызовов и угроз, а также рисков их возникновения:

- если любой один критерий выполняется, то рассматриваемый процесс можно отнести к *вызову*;
- если выполняются два-три критерия либо чрезвычайной является острота проявления хотя бы одного устойчивого во времени вызова, приводящего к масштабным негативным последствиям для устойчивого развития региона, то данная ситуация может оцениваться как *угроза*;
- в случае менее существенного отклонения реальных значений от нормативных или меньших масштабов негативной динамики показателей можно говорить о наличии *риска* возникновения вызова или угрозы.

Представленный нами подход в целом не противоречит описанным российскими и зарубежными учеными методикам оценки вызовов и угроз устойчивому развитию либо экономической и социальной безопасности России и ее регионов (см. в работах А. Аганбегяна, М. Горшкова, С. Казанцева, С. Митякова, В. Сенчагова, В. Dalal-Clayton, S. Bass и других [1–5, 34]). В частности, мы согласны с Митяковым С.Н. и другими исследователями, подчеркивающими необходимость более дифференцированной оценки удаленности реальных показателей от пороговых значений на основе определения зон (уровней) риска (двух-трех и более) [31, 45]. В дальнейшем можно воспользоваться данным подходом, выделив зоны риска, соответствующие объекту исследования.

Нормативные (целевые, пороговые) значения показателей оценки вызовов и угроз. Особую проблему для исследователей представляет определение нормативных (либо целевых) и пороговых значений показателей, позволяющих выявить вызов или угрозу, оценить их остроту. В качестве нормативных и пороговых значений предлагаются экспертные оценки, целевые индикаторы государственной политики, общепринятые требования и стандарты, а также их различные сочетания либо преобразования в безразмерную форму, что приводит к разнообразию оценок, отсутствию единого мнения [45, 46].

В научной литературе, к примеру, строго не определен количественный норматив для показателей покупательной способности доходов населения и заработной платы. Общеизвестно, что среднедушевые доходы населения должны обеспечивать его нормальное социальное воспроизводство. И по различным оценкам экспертов (ученых и практиков) это подразумевает использование денежных ресурсов в объеме не одного, а по крайней мере 2,5–3,5 бюджетов прожиточного минимума (ПМ) в расчете на человека [45, 47], что соответствует социально приемлемому потребительскому бюджету, включающему дополнительно затраты на потребление культурных благ и другие расходы на развитие человеческого потенциала¹. С учетом различных видов поддержки, выделяемых государством, выберем в качестве нижнего порогового значения доходы, равные 2,5 ПМ на душу населения.

Что касается заработной платы работников организаций, то она должна обеспечивать социальное воспроизводство не только работников, но и отдельных членов его семьи. К примеру, чтобы обеспечить даже простое демографическое воспроизводство, для полной двухпоколенной семьи, состоящей из двух занятых в экономике родителей с двумя детьми, по разным оценкам, потребуются совокупные денежные ресурсы в объеме 12–14 ПМ, т.е. те же 2,5–3,5 ПМ на члена семьи. И в таком случае размер среднемесячной заработной платы работников должен соответствовать минимум 5–7 ПМ, что позволяет обеспечить социальное воспроизводство по крайней мере одного занятого члена семьи и одного иждивенца (ребенка) в случае отсутствия значительной материальной поддержки со стороны государства. Учитывая значительный рост государственной поддержки семей с детьми в последние годы, приближающейся к размеру одного прожиточного минимума на ребенка, остановимся на нижней оценке порогового значения среднемесячной заработной платы, равной 5 ПМ.

В отношении реальных доходов населения и реальной заработной платы нормативом для оценки устойчивого развития региона выступает их ежегодный рост, т.е. годовые темпы роста данных показателей должны превышать 100%. Так,

¹ В частности, для среднего размера трудовой пенсии по старости установлен целевой норматив не менее 2,5–3 ПМ пенсионера. См.: [48]

в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации указано, что реальные располагаемые денежные доходы населения должны расти годовыми темпами 102,4% в 2022 г., 102,5% в 2024 г. и не ниже 102,5% 2030 г. В региональной программе Алтайского края целевые значения аналогичного показателя определены на уровне от максимальных 103,3% в 2023–2028 гг. до минимальных 102,2% в 2030 г.¹ Близкие целевые значения имеют в крае и годовые темпы роста реальной заработной платы: 103,3% в 2023–2028 гг. и 103,0% в 2029–2030 гг.

Для выполнения задачи снижения уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. на федеральном уровне определены следующие целевые значения доли населения с денежными доходами ниже границы бедности: 9,6% в 2024 г. и 6,5% 2030 г. В региональной программе Алтайского края целевые значения аналогичного показателя более чем на треть выше: 13,6% в 2024 г. и 8,8% 2030 г.² Выберем конечный целевой показатель (8,8%) для региона в качестве нормативного значения³.

В качестве верхнего порога коэффициента фондов можно встретить несколько вариантов экспертных оценок. Воспользуемся максимальным значением (10 раз), превышение которого, как традиционно оценивается западными экспертами, приводит к социальным потрясениям. Поскольку сохраняется значительное превышение 10-разового порога, он применяется российскими исследователями и в последние годы [47]. Также будем ориентироваться и на более низкий, «*нормальный уровень*» коэффициента фондов (4–8 раз), используемый сотрудниками ИЭ РАН и другими исследователями [45, с. 144].

Для коэффициента Джини в качестве верхнего порога, соответствующего чрезмерно высокому неравенству, экспертами признается значение, равное 0,40. После публикации в 2006 г. доклада Всемирного банка «Равенство и развитие» это значение рас-

¹ Рассчитано по данным таблицы «Показатели для реализации региональной программы» в «Региональной программе снижения доли населения с доходами ниже границы бедности на период до 2030 г. на территории Алтайского края».

² См. тот же документ.

³ Он близок к нормативу 8%, который выделен экспертами по проблемам экономической безопасности [45, с. 144].

смачивается как критическое, препятствующее устойчивости социально-экономического развития [49].

Что касается показателя «доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду», то, поскольку поставлена цель ликвидировать голод, верхним порогом для него является значение, равное нулю.

12.2. Результаты оценки вызовов и угроз в сфере доходов населения

Результаты апробации методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона в сфере доходов населения представлены в таблице V.5 на примере Алтайского края. Не останавливаясь подробно на особенностях изменений рассматриваемых показателей на разных этапах экономического развития¹, заметим следующее: основные вызовы и угрозы обусловлены более кардинальным падением экономики края в начале 1990-х гг. в сравнении с Россией в целом, что выразилось в резком, значительно превышающем среднероссийские показатели снижении реальных доходов населения и заработной платы работников. Период экономического роста в 2000-х гг. отличался в регионе более активными восстановительными процессами в экономике, что привело к значительному сокращению отрыва показателей доходов от среднего уровня по России. В период же турбулентности с конца «нулевых» сдвиги в показателях доходов населения края можно оценить уже как тренд с более медленным, неустойчивым, но все же заметным уменьшением различий с показателями по России.

Явную угрозу устойчивому развитию Алтайского края демонстрируют показатели реальных доходов и реальной заработной платы. В 2022 г. *реальные денежные доходы* населения края составляли только 54,7% от уровня 1990 г. в сравнении с аналогичным показателем по России, превысившим уровень 1990 г. в 1,57 раза. Остроту и устойчивое проявление данной угрозы не смягчили и последние пять рассматриваемых лет: с 2017 г. реальные доходы ежегодно сокращались, снижение составило 7,7 п.п.

¹ Подробнее см.: [26, 27].

при росте на 4,1 п.п. в России. Выход на целевые ежегодные 102–103% пока не наблюдается. Следовательно, по данному показателю не выполнены все три критерия, что позволяет оценить его динамику как угрозу: велико отставание от нижних пороговых значений (целевых индикаторов), а также от среднероссийского уровня, в последние годы налицо негативный тренд в противовес позитивному в России.

Таблица V.5

**Показатели, нормативные (пороговые) значения
и оценка вызовов и угроз устойчивому развитию Алтайского края
в сфере доходов населения**

Наименование показателя	Нормативное значение	Значение в 2022 г.			Оценка остроты и устойчивости (угроза/вызов/риск)
		Россия	Алтайский край	Алтайский край по отношению к России, %	
1	2	3	4	5	6
Индекс реальных денежных доходов населения, %					
К уровню 1990 г.	> 100 ежегодно	156,90	54,70	34,9	Угроза (по трём критериям)
К уровню 2017 г.	> 100 ежегодно	104,10	92,30	88,7	
Индекс реальной начисленной заработной платы работников организаций, %					
К уровню 1990 г.	> 100 ежегодно	157,50	58,80	37,3	Угроза (по двум критериям)
К уровню 2017 г.	> 100 ежегодно	123,70	125,10	101,1	
Соотношение с прожиточным минимумом (покупательная способность), раз					
Среднедушевых доходов	≥ 2,5 ежегодно	3,23	2,51	77,7	Вызов
Заработной платы	≥ 5 ежегодно	4,31	3,17	73,5	Угроза (по двум критериям)
Коэффициенты неравенства по доходам населения					
Коэффициент фондов, раз	<10,0	13,80	10,20	73,9	Вызов

1	2	3	4	5	6
Коэффициент Джини, ед.	<0,400	0,395	0,353	89,4	
Уровень бедности и голода, %					
Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума	8,8	9,800	15,4	157,1	Угроза (по трём критериям)
Доля домохозяйств, указавших на нехватку денег на еду при оценке своего материального положения	0,0	0,100	0,1	100,0	Вызов

Источник: [50–52].

Несколько иная ситуация сложилась с динамикой *реальной заработной платы* работников организаций края. В 2022 г. реальная зарплата составила от уровня 1990 г. немногим больше в сравнении с реальными доходами (58,8%), при превышении аналогичного уровня по России почти в 1,58 раза. Вместе с тем в отличие от динамики реальных доходов за последние рассматриваемые пять лет наблюдался ежегодный прирост данного показателя в регионе (в среднем даже более высокий, чем целевые показатели по региональной программе снижения бедности). В целом за пятилетний период реальная зарплата выросла на 25,1% (чуть выше, чем в стране в целом – 23,7%), причем основной рост зафиксирован в 2018–2021 гг. Таким образом, если по результатам более чем тридцатилетней ретроспективы мы можем говорить об устойчивой угрозе, то сдвиги за относительно небольшой период (последние пять лет) можно оценивать, с одной стороны, как ее отсутствие, а с другой – как потенциальный риск его возникновения в будущем в связи со снижением темпов роста в 2022 г.

Динамику *покупательной способности доходов населения* края за последние пять лет можно оценить как вызов. В 2022 г. среднедушевые доходы были равны 2,51 бюджетам прожиточного

минимума, т.е. соответствовали нижнему порогу. Вместе с тем покупательная способность доходов составила лишь 77,8% от среднего значения в России. В отличие от данного показателя *покупательная способность заработной платы* в регионе в тот год была существенно ниже порогового значения (63%), составив 3,17 ПМ населения трудоспособного возраста. Более значительным является отставание от среднероссийского уровня (на 26,5%). Хотя за предшествующее пятилетие покупательная способность зарплат выросла на 16,6%, устойчивостью данный процесс не обладает (в 2021 г. наблюдалось снижение). Все это позволяет идентифицировать уровень и динамику данного показателя как соответствующие угрозе устойчивому развитию региона по двум критериям.

Не столь критичной с первого взгляда является ситуация в регионе с показателями неравенства по доходам. При устойчивом превышении *коэффициентами фондов и Джини* своих верхних порогов с начала 1990-х годов Алтайский край традиционно относительно благополучен на российском фоне. В последнее пятилетие в крае наблюдалась позитивная динамика коэффициентов (их значения снизились на 15,7% и 6,4% к уровню 2017 г.). Несмотря на существенно более низкие, чем в России, значения данных коэффициентов (в 2022 г. на 26% и 10,6%)¹ и позитивную динамику последних пяти лет, остается по-прежнему существенным превышение их пороговых значений (на 12% по коэффициенту Джини, на 2% по коэффициенту фондов до 10-разового порога и свыше четверти до более нормативов – 4–8 раз), что позволяет судить о сохранении вызова.

Ситуацию с бедностью следует оценить как угрожающую устойчивому развитию региона. С 2000-х годов сокращение бедности в Алтайском крае происходило более интенсивно, чем в России в целом (с 56,3% в 1999 г. до 15,4% в 2022 г.), позитивные сдвиги наблюдались и за последние пять лет (бедность уменьшилась на 12% в сравнении с 2017 г.). Вместе с тем превы-

¹ Близкими к краевому являются значения коэффициента фондов большинства регионов СФО (1–12 раз в 2022 г.). В близком к краевому диапазону (0,34–0,36 в 2022 г.) находятся значения коэффициента Джини в таких регионах СФО, как Республики Алтай и Тыва, Иркутская, Кемеровская и Томская области – см.: [52].

шение среднероссийского уровня хоть и сократилось с двукратного, все же остается значительным (более полутора раз в 2022 г.), а целевые показатели 2023 г. в регионе превышены на 6,2%, 2030 г. – в 1,8 раза.

Уровень голода в крае чуть выше целевого нулевого значения: в 2022 г., как и в России, при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду указали лишь 0,1% домохозяйств. Несмотря на значительные позитивные сдвиги за рассматриваемые пять лет (1,5% в 2017 г.), вызов пока сохраняется.

Итак, предложенная методика оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона в сфере доходов населения в целом подтвердила свой эвристический потенциал. Апробация методики на примере агропромышленного региона (Алтайского края) позволила выделить ключевые вызовы и угрозы устойчивому развитию региона, проявляющиеся в сфере доходов населения. Среди таких вызовов и угроз:

- прежде всего, чрезмерно низкие доходы населения, выражающиеся в устойчивом существенном отставании роста реальных доходов и реальной заработной платы от уровня 1990 г. и от аналогичных показателей по России, в низкой покупательной способности среднедушевых денежных доходов и среднемесячной начисленной заработной платы;
- масштабная бедность, являющаяся во многом следствием первых, и устойчиво превышающие пороговые значения неравенства по доходам.

Дальнейшее развитие методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, как нам представляется, прослеживается по меньшей мере в трех направлениях:

– более углубленное представление сферы доходов населения за счет включения показателей, не вошедших в набор показателей ЦУР (к примеру, показателей медианных и модальных значений доходов и заработной платы, соотношения среднемесячной заработной платы с МРОТ, уровня и динамики потребления, расходов и сбережений, структуры доходов и расходов населения, доступности приобретения жилья и услуг социальной сферы, др.) [1, 47];

– расширение блока анализируемых социальных показателей из набора показателей ЦУР за пределы сферы доходов населения, что позволяет выявить и оценить более широкий контекст вызовов и угроз (например, включить показатели занятости и демографические);

– усиление пространственного (территориального) и социоструктурного аспектов оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона посредством включения показателей уровня и качества жизни городского и сельского населения в целом, жителей различных муниципальных образований, демографических и других социальных групп, в том числе с использованием опросных данных [47, 4].

Глава 13

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В данной главе рассмотрим результаты влияния доходов населения региона на развитие процессов межрегиональной экономической интеграции через воздействие на её отдельные механизмы, движущие силы¹. В качестве последних выделим межрегиональное движение производственного капитала и товарных потоков, а также формирование и развитие межрегиональных кооперационно-интеграционных связей предприятий.

Эмпирическим объектом исследования выступает Алтайский край как один из приграничных, агропромышленных регионов Сибири. Агропромышленные регионы представляют группу регионов со значительной спецификой проявления воздействия доходов населения на состояние и динамику межрегиональной ин-

¹ О результатах исследования доходов населения региона на разных этапах экономического развития, воздействия экономики региона на доходы см.: [26, 53].